

Андреева против Латвии
[Andrejeva v. Latvia] (№ 55707/00)

Постановление от 18 февраля 2009 г. [вынесено Большой Палатой]

Обстоятельства дела

В 1954 году заявительница в 12-летнем возрасте впервые прибыла в Латвию, которая тогда являлась частью Советского Союза. С тех пор она постоянно проживала на этой территории. Будучи ранее гражданкой бывшего СССР, заявительница в настоящее время имеет статус постоянно проживающего негражданина Латвии. В 1966 году она начала работать на перерабатывающем заводе Олайненского химического комплекса, ранее являвшегося государственным предприятием, подведомственным Министерству химической промышленности СССР. Комплекс расположен на территории СССР, впоследствии отошедшей к Латвии. До 1981 года заявительница состояла в

трудовых отношениях с государственным предприятием, управление которого размещалось в Киеве. Позднее ее перевели в подразделение того же предприятия, управление которого находилось в Москве. Хотя зарплата заявительнице выплачивалась почтовым переводом сначала из Киева, а затем из Москвы, это не влекло каких-либо перемен в условиях ее труда, поскольку она продолжала работу на том же перерабатывающем заводе. После провозглашения независимости Латвии в ноябре 1990 г. заявительница перешла в непосредственное подчинение администрации завода. При уходе на пенсию в 1997 г. она просила местный орган социального страхования определить размер ее пенсии. Ей сообщили, что в соответствии с пунктом 1 переходных положений закона о государственных пенсиях только периоды работы в Латвии могут быть учтены при назначении пенсии иностранным гражданам или лицам без гражданства, проживавшим в Латвии на 1 января 1991 года. Поскольку заявительница в период с 1 января 1973 по 21 ноября 1990 г. работала в организациях, расположенных в Киеве и Москве, орган определил размер пенсии с учетом лишь ее трудовой деятельности до и после этой работы. В результате ей назначили ежемесячную пенсию в размере 20 латов (приблизительно 35 евро). Заявительница возбудила административное и судебное разбирательства, оспаривая это решение. Кассационная жалоба, поданная прокурором в сенат Верховного суда и рассмотренная в открытом заседании 6 октября 1999 г., была отклонена. Сенат поддержал выводы районного и регионального судов о том, что период, в течение которого заявительница состояла в трудовых отношениях с украинской и российской организациями, не может приниматься во внимание при расчете ее пенсии. Он также указал, что поскольку данные работодатели не являлись налогоплательщиками в Латвии, нет оснований для отнесения их к латвийской системе обязательного социального страхования. Заявительница просила о пересмотре ее дела, поскольку она не имела возможности присутствовать на заседании 6 октября 1999 г. из-за того, что оно началось раньше, чем планировалось. Это ходатайство также отклонили. В феврале 2000 года заявительнице сообщили, что на основании соглашения, заключенного Латвией и Украиной, будет произведен перерасчет ее пенсии с 1 ноября 1999 г., и период трудовых отношений с работодателем, расположенным на Украине, будет засчитан в ее стаж.

Вопросы права *По поводу соблюдения статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции.* По вопросу о применимости статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции государство-ответчик придавало особенное значение различиям между советскими пенсиями, которые выплачивались государством за счет общих бюджетных средств на основе принципа солидарности, и системой, постепенно вводившейся начиная с 1991 г., основанной на индивидуальных взносах каждого застрахованного. Европейский Суд, однако, отметил, что при создании государством пенсионной системы вытекающие из нее индивидуальные права и интересы относятся к сфере применения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции независимо от уплаты взносов и средств ее финансирования. Кроме того, когда государство принимает по своему усмотрению решение о выплате пенсий лицам в отношении периодов занятости за пределами своей территории, таким образом создавая достаточно ясную правовую основу в своем национальном законодательстве, предполагаемое право на такие выплаты также относится к сфере статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. В деле заявительницы переходные положения латвийского закона о государственных пенсиях предусмотрели право на пенсию по старости в отношении совокупного периода занятости до 1991 г. на территории бывшего СССР, независимо от выплаты каких-либо взносов, но только для граждан Латвии. Таким образом, заявительнице отказали в учете этих периодов исключительно потому, что она не имела латвийского гражданства. Это позволяет Европейскому Суду сде-

лать вывод относительно того, что материальное требование заявительницы относится к сфере действия статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

По существу жалобы Европейский Суд напоминает, что поскольку заявительница указывает на существование различия в обращении, государство-ответчик должно доказать, что это различие является оправданным. В деле заявительницы различие в обращении преследовало, по крайней мере, одну законную цель, совместимую с общими целями Конвенции, а именно защиту экономической системы страны. Европейский Суд должен также исследовать соразмерность этой цели и средств, использованных для ее достижения. Отказ национальных властей во включении в стаж периода работы за пределами латвийской территории основывался исключительно отсутствием у заявительницы гражданства, поскольку не оспаривается, что латвийский гражданин, находившийся в том же положении, что и заявительница, работавший на том же предприятии в тот же период, имел бы право на оспариваемую часть пенсии по старости. Кроме того, стороны согласились, что если бы заявительница была натурализованной латвийской гражданкой, она бы автоматически получила пенсию из расчета всей ее трудовой деятельности. Европейский Суд отмечает, что для того, чтобы различие в обращении, основанное исключительно на факторе гражданства, признавалось не противоречащим Конвенции, должны быть выдвинуты весьма веские причины, которые он не усматривает в деле заявительницы. Во-первых, не установлено или не предполагается, что заявительница не удовлетворяла иным законодательным условиям, дающим право на пенсию в отношении всего периода ее трудовой деятельности. Следовательно, она находилась объективно в том же положении, что и лица, имевшие такую же или аналогичную трудовую биографию, но которых после 1991 г. признали латвийскими гражданами. Во-вторых, нет данных о том, что в советский период существовали различия в обращении с гражданами бывшего СССР с точки зрения их пенсионных прав. В-третьих, заявительница не являлась гражданкой иного государства и имела статус постоянно проживающего негражданина Латвии, единственного государства, с которым она поддерживала стабильную правовую связь и которое объективно могло бы принять на себя ответственность за нее с точки зрения социального обеспечения. При таких обстоятельствах доводы, выдвинутые государством-ответчиком, не достаточны для того, чтобы убедить Европейский Суд в том, что в деле заявительницы имеется разумная взаимосвязь соразмерности, которая делает оспариваемое различие в обращении совместимым с требованиями статьи 14 Конвенции. Несмотря на мнение государства-ответчика о том, что включение в стаж периодов занятости представляло собой вопрос, который должен регулироваться прежде всего двусторонними межгосударственными соглашениями о социальном обеспечении, Европейский Суд напоминает, что, ратифицировав Конвенцию, Латвия обязалась обеспечить каждому человеку, находящемуся под [ее] юрисдикцией права и свободы, гарантированные ею. Соответственно, латвийское государство не может быть освобождено от ответственности с точки зрения статьи 14 Конвенции на том основании, что нет межгосударственных соглашений о социальном обеспечении между ним, Украиной и Россией. Европейский Суд не принимает и довод государства-ответчика о том, что заявительнице было бы достаточно стать натурализованной латвийской гражданкой для того, чтобы получить пенсию в полном размере. Запрет дискриминации, установленный статьей 14 Конвенции, имеет смысл только в том случае, если личная ситуация заявительницы оценивается в ее существующем состоянии.

Постановление По делу допущено нарушение требований статьи 14 Конвенции (вынесено 16 голосами «за» и одним – «против»).

По поводу соблюдения статьи 6 Конвенции. Европейский Суд, в частности, отмечает, что кассационная жалоба подана не самой заявительницей или ее

адвокатом, а прокурором, действующим при рижском региональном суде. Государство-ответчик утверждало, что благоприятная для заявительницы позиция, занятая прокурором, освобождала сенат от обязанности обеспечить ее личное присутствие на заседании. Европейский Суд не убежден в этом, в частности, потому что латвийское законодательство не позволяет сделать вывод о том, что прокурор может представлять одну из сторон или заменять эту сторону в судебном заседании. Заявительница являлась стороной административного разбирательства, возбужденного по ее требованию. Соответственно, в качестве основного участника этого дела она должна была пользоваться полным набором гарантий, вытекающих из принципа состязательности сторон. Тот факт, что кассационную жалобу подала прокуратура, ни в коей мере не ограничивает право заявительницы присутствовать при рассмотрении ее дела, которое она не смогла использовать, несмотря на ее желание.

Постановление

По делу допущено нарушение требований статьи 6 Конвенции (принято единогласно).

Компенсация

В порядке применения статьи 41 Конвенции. Европейский Суд присудил выплатить заявительнице 5 000 евро в счет компенсации всех видов причиненного ущерба.